

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 4 (63)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (63)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Aadaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege
(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Харитонов Р.М.

Институт археологии и этнографии СО РАН, просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090
E-mail: tengeri_ashina@list.ru

О ГЕНЕЗИСЕ КОНСТРУКЦИЙ ЛУКОВ ИЗ «СТАРОБУРЯТСКИХ» ПОГРЕБЕНИЙ

Анализируются находки деталей луков из «старобурятских» погребений Байкальского региона XVII–XVIII вв. Предпринята попытка определения происхождения их конструкций на основе данных о технологических особенностях предметов. Целью работы является реконструкция генезиса конструкций луков из этих памятников. Анализ позволил выявить локальные варианты конструкций и связать их с более ранними предметами монгольского времени населения усть-талькинской культуры (Предбайкалье), а также якутскими луками «центральноазиатского типа».

Ключевые слова: традиционный лук, Забайкалье, Предбайкалье, погребения, буряты, усть-талькинская культура, якуты, буряты.

Введение

В традиционной культуре бурят лук и стрелы занимают особое место. Вплоть до оформления Забайкальского казачьего войска в 1851 г. и начала оснащения бурятских казаков как «прочих» лук и стрелы наряду с огнестрельным оружием продолжали использоваться в качестве средства поражения противника, преимущественно в южной части Забайкалья [Васильев, 1916, с. 15–16; Бобров, Худяков, 2008, с. 655–666]. Длительное существование в культуре бурят облавных охот обусловило применение лука и стрел как промыслового средства вплоть до начала XX в. По данным М.Н. Хангалова, у современных ему балаганских бурят (конец XIX — начало XX в.), живущих на р. Унге и р. Заларе, бытовали облавы с луком и стрелами, однако не для добычи дичи, а с целью истребления волков [Хангалов, 2004, с. 29]. В состязательной культуре лук и стрелы до сих пор не потеряли своего значения, поскольку традиционные «три игры мужей» являются неотъемлемой частью современных бурятских праздников. Кроме того, лук и стрелы имели большое семантическое значение и применялись в разнообразных ритуальных действиях, в частности в свадебной обрядности, молебнах, погребальной обрядности, при гаданиях, спорах и т.д. [Хангалов, 2004, с. 24, 25, 61, 74, 128, 150, 158, 171, 177, 184, 208; Жамбалова, 1991, с. 116–117].

По данным специалистов, у бурят бытовало как местное производство, так и импорт с территории Китая и Монголии [Васильев, 1916, с. 8; Михайлов, 1993, с. 15; Хангалов, 2004, с. 171]. Среди изделий местного производства, использовавшихся бурятами в XIX–XX вв., имеющих в музейных и частных коллекциях, выделяются две основные конструкции: изделия XIX в. предбайкальских и забайкальских мастеров, схожие по метрическим и морфологическим показателям, но различающиеся по приемам оформления и формирования функциональных зон, и луки агинских бурят второй половины XX в. Предварительно морфологические и технологические особенности различных конструкций бурятских луков были описаны ранее [Харитонов, 2022]. Более ранние луки, XIX — начала XX в., отличаются сравнительно неширокими плечами, длинными переходными зонами¹, выделенными специальными накладками или подтреугольным сечением со скругленным ребром и короткими относительно длины корпуса негнувшимися концами. Эталонным для Предбайкалья и некоторой части Забайкалья следует считать лук МИКНС ОФ 4256 [Харитонов, Мищенко, 2022], для селенгинских бурят были характерны луки, аналогичные МИБ ОФ 17848 [Харитонов, Бутуханова, 2017]. У спортивных луков агинских бурят XX в. длина переходных зон была значительно меньше и их начало максимально нивелировалось (яркими примерами являются опубликованные луки З.Д.-Н. Дугарова, лук Д.-Н.Р. Эрдыниева) [Харитонов, 2019, рис 1, 2, 3; 2020, рис. 1, 1]. Кроме того, произошли некоторые изменения в наборах применявшихся накладок. В сравнении с местными изделиями импортные луки маньчжуро-

¹ Функциональные протяженные области между негнувшимися концами и упругими частями плеч луков. В них происходило формирование необходимого угла между последними, а также постепенное изменение сечения в направлении форм, препятствующих изгибу корпуса.

монгольской конструкции имели длинные концы, а также выраженные посредством постепенного возрастающего выделенного ребра переходные зоны между упругими плечами и концами².

Луки местного производства остаются слабоизученными. Важно отметить, что, при явных различиях импортных и местных изделий, совершенно не изучен генезис конструкции последних. Большинство центральноазиатских луков Нового времени и этнографической современности можно уверенно связать с маньчжуро-монгольской традицией, тогда как традиционные бурятские луки являются достаточно самобытным отражением местного оружейного производства. Таким образом, для формирования наиболее полного представления о комплексе вооружения кочевников позднего Средневековья и Нового времени необходимо всестороннее изучение бурятских сложных луков.

Для лучшего понимания материала привлечены более ранние предметы из археологических памятников. Традиционно с монголоязычным населением Байкальского региона XVII–XVIII вв. связывают «старобурятские» погребения. Специалистами изучены единичные погребения, зачастую поврежденные (развешенные, скальные) или кремированные останки. Таким образом, в настоящем исследовании впервые предпринята попытка проследить происхождение конструкции луков из «старобурятских» погребений, а также найти схожие технические элементы на изделиях соседних регионов.

Материалы и методы

При характеристике имеющихся остатков изделий наиболее адекватен классический оружейно-ведческий метод классификации накладок. Основы применяемых исследователями подходов были заложены в работах А.Ф. Медведева, Ю.С. Худякова, А.И. Соловьева, Л.А. Боброва. Для того чтобы получить максимально полное представление о поврежденных конструкциях старинных луков, использовался метод ретроспекции, с помощью которого по аналогичным элементам конструкций целых предметов XIX–XX вв. возможно моделирование отсутствующих частей изделий. Целью работы является реконструкция генезиса конструкций луков из «старобурятских» погребений при сравнительном анализе их элементов в совокупности как с более поздними, так и с более ранними экземплярами. Для описания предметов использовалась традиционная терминология, в основе которой лежит представление о корпусе лука как о изделии, имеющем несколько функциональных участков [Худяков, 1979; Никоноров, Худяков, 2004, с. 46], при дополнении традиционной пятичастной схемы переходными зонами между упругой частью плеч и негнушимися концами.

Фрагменты пяти луков зафиксированы в трех «старобурятских» погребениях Предбайкалья и двух в Забайкалье. По количеству накладок можно выделить два типа луков.

Тип 1. Со срединной фронтальной веслообразной, плечевыми фронтальными и фронтальными накладками переходных зон. Представлен наборами накладок из предбайкальских памятников Усть-Талькин (погр. 2, 41, раскопки Е.Ф. Седякиной) (рис. 1, 1, 2), Бухта Хагун (погр. 2, раскопки А.В. Харинского) [Зайцев и др., 1994] (рис. 1, 3), а также находками, полученными в результате исследования нескольких развешенных погребений памятника Догдо-1 (погр. 1, раскопки Б.Б. Дашибалова) в Забайкалье. От всех луков сохранились срединная фронтальная и фронтальные накладки переходных зон. Срединные фронтальные накладки длиной от 15,8 см до 30 см имеют выраженные лопасти, максимальная ширина достигает 2,5–3 см, толщина 0,6–1 см. Такие пластины изготовлены из рога оленя.

Накладки переходных зон ранее были интерпретированы специалистами как «плечевые» [Бобров, Худяков, 2008, с. 84–85]. Обращение к целым музейным предметам показало, что они укрепляли области наиболее резкого изгиба корпуса и изменения сечения относительно упругих участков, укрепленных фронтальными накладками из полого рога (которые чаще всего не сохраняются в археологических памятниках), тем самым создавая более жесткую область относительно упругой части плеч. Между тем относительно выраженных переходных зон выделялись негнущиеся утонченные концы. Таким образом, данные накладки приходились именно на переходные зоны, функционал которых не позволял относить накладки к концевым или плечевым.

² Под маньчжуро-монгольскими луками понимаются конструкции, схожие по технологии, морфологии и метрическим показателям, а также особенностям оформления, распространившиеся в ходе правления династии Цин с XVII в. Широкое влияние военного искусства маньчжуров на народы Центральной Азии выразилось в появлении множества локальных вариантов конструкций. Один из популярных вариантов такой конструкции — современный монгольский этнографический лук. Уровень изученности проблематики не позволяет четко выделить такие варианты, в связи с чем все такие изделия именуются маньчжуро-монгольскими.

О генезисе конструкций луков из «старобурятских» погребений

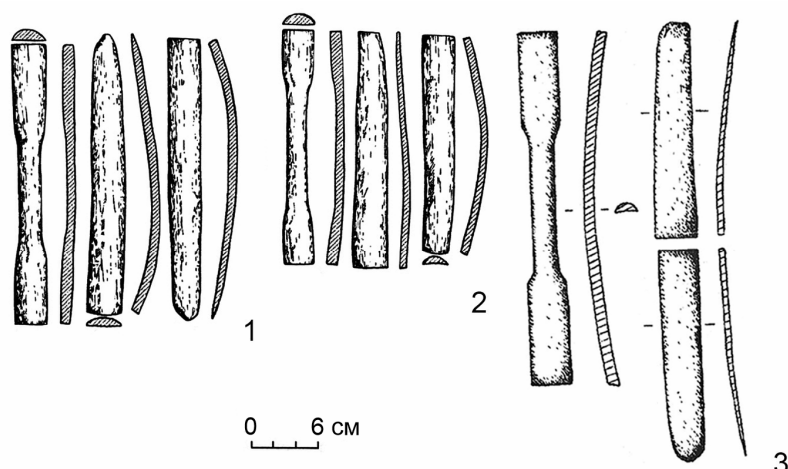

Рис. 1. Накладки луков из «старобурятских» погребений Предбайкалья (тип 1):
 1 — Усть-Талькин, погр. 2; 2 — Усть-Талькин, погр. 41; 3 — Бухта Хагун (погр. 2)
 (1, 2 — по: [Бобров, Худяков, 2008, рис. 11], 3 — по: [Зайцев и др., 1994, рис. 7, 1, 2]).
Fig. 1. Bow plates from the “Old Buryat” burials of the Cis-Baikal region:
 1 — Ust-Talkin (burial 2); 2 — Ust-Talkin (burial 41); 3 — Khagun Bay (burial 2).

Накладки переходных зон длиной от 15 см до 24,5 см, максимальной шириной 2,9–3 см и толщиной 0,3–0,6 см были изготовлены из рога оленя и имели трапециевидную форму, к узкому окончанию накладки утончались и сходили на нет, могли закругляться. В сечении накладки сегментовидные, на внутренней прямой поверхности имеются следы насечки для лучшего склеивания. Между тем края срединных пластин и широкие края пластин переходных зон были прямыми и достаточно массивными, что свидетельствует о том, что они стыковались с плечевыми накладками, которые, вероятнее всего, изготавливались из полого рога и не сохранились при археологизации. Важно отметить, что среди целиком сохранившихся предметов из музеев Байкальского региона не было зафиксировано ни одного предмета со срединной фронтальной веслообразной накладкой без плечевых фронтальных пластин из полого рога. Таким образом, наиболее правильным учитывать при типологизации конструкции несохранившиеся фронтальные плечевые пластины.

Датировка погребений, по мнению специалистов, на основе анализа сопутствующего инвентаря варьируется от XVI до XVIII в. [Бобров, Худяков, 2008, с. 85]. Между тем отличительной особенностью всех погребений является наличие в составе инвентаря курительных трубок «ганза», которые, по мнению А.В. Харинского, к датировке всех привлекаемых погребений не обращавшегося, попадают в регион не ранее XVII в. [Харинский, 1995, с. 214].

Тип 2. Со срединной фронтальной веслообразной, плечевыми фронтальными, плечевыми боковыми, длинными концевыми фронтальными накладками (охватывающими переходные зоны и концы). Один такой лук был зафиксирован в ходе спасательных раскопок «старобурятского» погребения на р. Аргада в Забайкалье [Именохоев, Хамзина, 1998]. Детальная реконструкция предмета была предпринята ранее [Соловьев, Харитонов, 2018].

В отличие от предыдущих предметов, от этого лука сохранилось гораздо больше различных деталей (рис. 2). Срединная фронтальная накладка длиной 18,2 см, максимальной шириной 2,2 см и толщиной 0,7–1 см, изготовленная из рога оленя, имеет слабовыраженные лопасти и массивные прямые края (рис. 2, 4). Плечевые фронтальные накладки набраны из двух пластин суммарной длиной 37,5 см, расширяются к центру от 2,1 см до 2,7 см и изготовлены из полого рога (рис. 2, 3). Боковые плечевые накладки изготовлены из рога оленя и представлены цельными длинными (52 см) тонкими (до 0,3 см) и узкими (до 0,7 см) пластинами, фиксирующими боковую поверхность от рукояти до негнущихся концов (рис. 2, 1). Плечевые фронтальные накладки стыковались со специфичными фронтальными пластинами из рога оленя длиной 18,6 см, имеющими узкую (9 см) и широкую (9,6 см) области (сохранилась одна, однако ранее были две аналогичные) [Селихов, Именохоев, 1998] (рис. 2, 5). Широкая область от стыка с плечевыми накладками сужалась от 2,6 см до 2 см и проходила по месту максимального изгиба корпуса, а узкая продолжала более резкое сужение до 0,7 см и повторяла концы. Таким образом, данные накладки укрепляли и переходные зоны, и концы. Толщина составляла около 0,3 см. Срединная

фронтальная и плечевые боковые в сечении были сегментовидные, плечевые фронтальные и длинные концевые уплощенные подпрямоугольные.

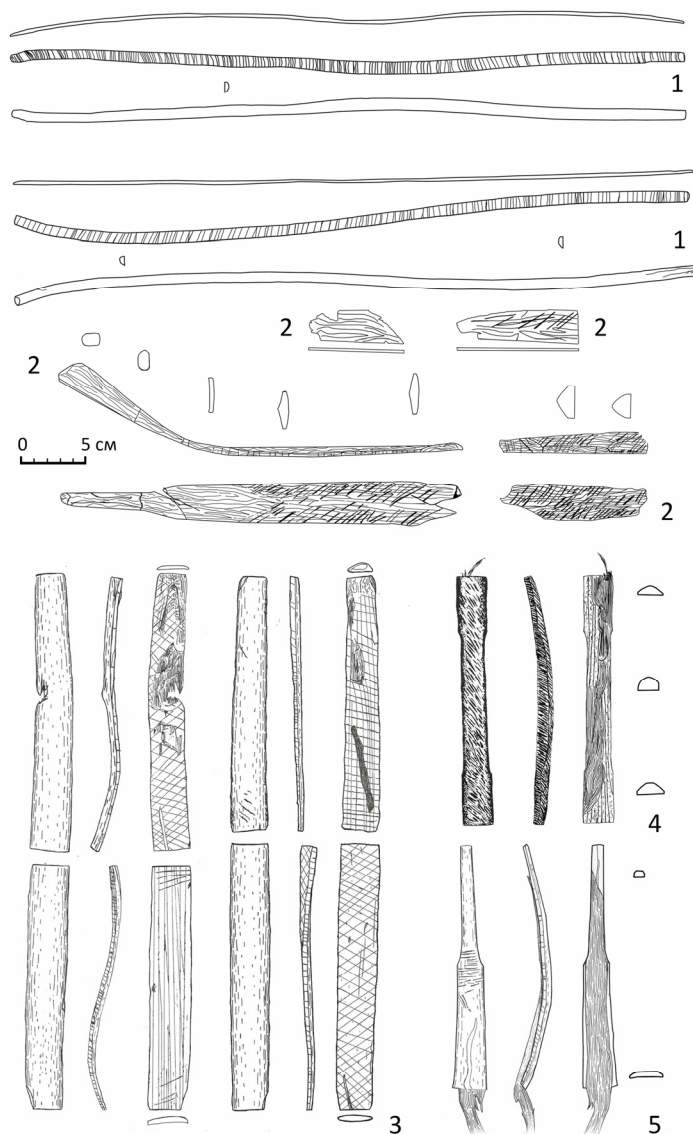

Рис. 2. Детали лука из погребения на р. Аргада (тип 2):

1 — плечевые боковые накладки (рог оленя); 2 — фрагменты деревянной основы; 3 — плечевые фронтальные накладки (полый рог); 4 — срединная фронтальная накладка (рог оленя); 5 — длинная концевая фронтальная накладка (рог оленя).

Fig. 2. Details of a bow from a burial on the river Argada (type 2):

1 — shoulder side plates (deer horn); 2 — fragments of a wooden base; 3 — shoulder front pads (hollow horn); 4 — median front plate (deer horn); 5 — long end front plate (deer horn).

Кроме набора накладок от лука сохранились фрагменты деревянной основы (рис. 2, 2), сухожильной оклейки и тетивы. Имеющиеся фрагменты позволяют говорить, что деревянная основа (кибеть) была цельной с дополнительными усилениями, состоящими из двух тонких коротких пластинок в переходных зонах с внешней стороны корпуса. Кибеть была усилена толстой (около 1 см) сухожильной оклейкой по всей длине. Важной особенностью предмета является наличие одного тонкого слоя сухожилий с противоположной стороны, между кибетью и фронтальными накладками, назначение которого не вполне ясно. Тетива была цельной кожаной. Длину установить не удалось.

Авторами раскопок погребение датировано XVI–XVII вв. [Именохоев, Хамзина, 1998, с. 97]. Наличие курительной трубки «ганза» позволяет сузить датировку до XVII в.

Результаты и обсуждение

Приведенные материалы немногочисленны, однако отражают основные тенденции конструирования луков у монголоязычного населения в Байкальском регионе XVII–XVIII вв.

Наличие в конструкции всех луков срединной веслообразной накладки свидетельствует о их связи с «монгольским типом». Среди поздних целых предметов наиболее близким по набору накладок к типу 1 является лук из фондов Национального музея Республики Бурятия (г. Улан-Удэ) под инвентарным номером МИБ ОФ 1150, при том что он дополнительно оснащен боковыми плечевыми накладками из растительного органического материала (тростник?). Между тем основная часть местных изделий XIX — начала XX в. укреплялась уже иным набором накладок, функциональные особенности которых, однако, соответствовали накладкам выделенного типа 1. Присутствовала срединная фронтальная (рог оленя), плечевые фронтальные (полый рог), однако область переходных зон оснащалась иными пластинами: длинными концевыми фронтальными с широкой и узкой областями (при этом широкая часть, соответствующая переходной зоне, могла превышать узкую в два раза) или накладками переходных зон, набранными из двух пластин (короткими из рога оленя, стыкующимися со стороны упругих плеч с плечевыми фронтальными накладками, со стороны концов их продолжали короткие скругленные накладки из полого рога). Поздние изделия могли дополнительно оснащаться и другими элементами, однако они принципиальным образом не влияли на функциональные показатели лука. Важно, что область переходных зон у луков типа 1 из археологических комплексов соответствовала по длине переходным зонам бурятских изделий XIX — начала XX в., что свидетельствует в пользу того, что они обладали схожими метрическими показателями и пропорциями: длинные переходы и короткие концы.

Вероятнее всего, все эти изделия местного производства генетически связаны с луками, использовавшимися населением усть-таькинской культуры Предбайкалья XII–XIV вв. Кибить из памятника Усть-Уда (погр. 10) по пропорциям отдельных зон наиболее близка к бурятским лукам XIX — начала XX в. и также состоит из цельного куска дерева, как и некоторые целые луки из музейных коллекций [Харитонов, 2022]. В.С. Николаевым было выявлено пять типов наборов накладок, однако почти все они представлены комбинацией срединной и «плечевых» пластин из рога оленя или кости [2004, с. 80–83]. Срединные накладки были веслообразные, «плечевые» пластины сравнительно короткие подпрямоугольные или же трапециевидные с одним сужающимся концом. В большинстве случаев края накладок массивные и прямые, это позволяет сделать вывод о том, что, скорее всего, данные луки укреплялись комбинированными накладками переходных зон (части из рога оленя, которые интерпретировались как короткие плечевые накладки, являлись одной из частей таких пластин) и, с большой вероятностью, также оснащались плечевыми фронтальными накладками из полого рога. Это позволяет заключить, что формирование основных представлений о метрике, морфологии и основных технологических приемах оформления функциональных зон происходило на местной основе еще в монгольское время.

Между тем однозначно говорить об уникальности конструкции для рассматриваемой территории не приходится. Аналогии в наборах накладок зафиксированы в соседних регионах Сибири — у барабинских татар [Молодин и др., 1990, с. 43–49], аринцев и качинцев [Нечипоренко и др., 2004, с. 131–133; Бобров, Худяков, 2008, с. 84]. Таким образом, если для XIX — начала XX в. такие луки зафиксированы только у бурят, то в XVII–XVIII вв. конструкция была распространена значительно шире. Но нельзя исключать и то, что изделия производства монголоязычного населения Байкальского региона могли попадать к соседним народам. Однако уверенно об этом говорить нельзя из-за отсутствия широкой источниковой базы для территории остальной части Сибири.

Луки производства бурятских мастеров XIX — начала XX в. по морфологическим особенностям конструкции гораздо ближе к монгольским средневековым лукам, чем к распространенным с XVII в. цинским. Об этом позволяют судить находки целиком сохранившихся луков из скальных погребений Монголии. Так, один из целых луков из погребения Цагаан Хад в Монголии, датированный XIII–XIV вв., имел внешнюю геометрию концевых участков как у описанных бурятских луков XIX — начала XX в. [Хурэлсүх гэх мэт., 2022, х. 155–157]. Важно, что в то время еще не произошло конструктивного разделения переходных зон и концов и корпус от упругого плеча постепенно утолщался за счет ребра жесткости до самых окончаний при подпрямоугольном сечении. В более поздних конструкциях области на окончаниях этого участка оформлялись подпрямоугольным сечением, что ограничивало негнущуюся область (концы корпуса). Это свидетельствует о том, что морфологическое выделение переходных зон относительно концов — сравнительно позднее явление.

Тип 2 также находит общие элементы с бурятскими луками XIX — начала XX в., однако заметно отделяется от типа 1. Примечательно применение длинных концевых фронтальных пластин с широкой и узкой областями. Схожими накладками обладали некоторые якутские луки «центральноазиатского» типа XV–XVII вв. [Бравина, Дьяконов, 2020]. Эти изделия отличались от северной традиции³ наличием сухожильной оклейки и роговых пластин, в число которых обязательно входила срединная фронтальная веслообразная, что свидетельствует о влиянии «монгольского типа». Кроме того, такие предметы могли оснащаться длинными концевыми фронтальными накладками с узкой и широкой областями (как на луке типа 2), формирующими переходные зоны и негнущиеся концы в комбинации с накладками переходных зон (как на луках типа 1). Это подтверждает функциональную связь этих накладок и объясняет закономерность вариативности применения данных пластин. Важно отметить, что, кроме срединных фронтальных накладок, связи между выделенным типом 2 и более ранними образцами луков Забайкалья не наблюдается [Бураев, 1986, с. 13–14]. Это позволяет сказать, что аргадинский лук непосредственно связан с северной традицией изготовления сложных композитных луков «центральноазиатского типа», однако генезис данной традиции установить весьма проблематично, поскольку до конца не ясно, когда и какими путями такие луки проникли на территорию Якутии, как видоизменялись и когда стали производиться местным населением.

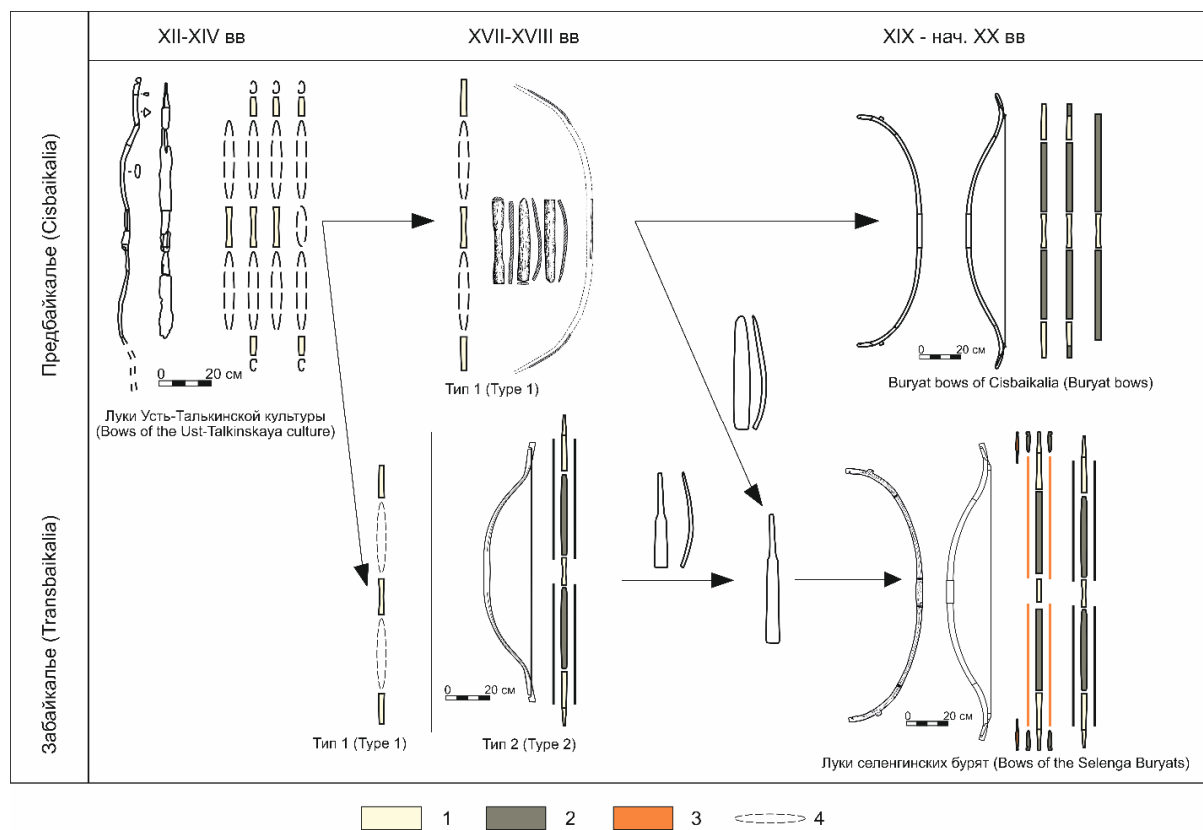

Рис. 3. Схема эволюции луков местного производства Байкальского региона XII — начала XX в., конструктивно связанных с бурятскими луками:

- 1 — накладки из рога оленя; 2 — накладки из полого рога; 3 — накладки из растительных материалов;
4 — отсутствующие накладки, не сохранившиеся в процессе археологизации.

Fig. 3. Scheme of the evolution of bows of local production in the Baikal region XII — early XX century structurally related to the Buryat bows:

- 1 — deer horn plates; 2 — plates from a hollow horn; 3 — plates made of plant materials;
4 — missing plates that were not preserved during the archeological process.

³ Под северной традицией понимаются изделия, применявшиеся большинством североазиатских народов тундровой и таежной зон. Они изготавливались преимущественно без роговых и костяных накладок, основным материалом было дерево, разные сорта которого комбинировали различными способами. Изредка использовались сухожилия.

О генезисе конструкций луков из «старобурятских» погребений

Приведенные данные позволяют сделать некоторые выводы об эволюции конструкций бурятских луков (рис. 3). Вероятнее всего, как отмечалось ранее, тип 1 формировался на местной основе еще в монгольское время. Поскольку длинных концевых фронтальных накладок с широкой и узкой областями на территории Предбайкалья XII–XVII вв. найдено не было, однако они встречаются на единичных якутских и забайкальских луках, можно предположить, что такая форма возникла и применялась на этих территориях. Скорее всего, в ходе контактов населения Предбайкалья и Забайкалья в XVII–XVIII вв. стали использоваться луки с накладками, объединяющими свойства накладок переходных зон, широко распространенных в Предбайкалье, и длинных концевых, охватывающих не только концы, но и часть переходных зон, применявшихся в отмеченных областях Северной и Восточной Сибири. В результате такие накладки охватывали значительно удлиненную область переходных зон и укороченные негнувшиеся концы. Таким образом, бурятские луки, у которых есть в конструкции длинная концевая накладка с длинной широкой и короткой узкой областями отражают связь как с предбайкальскими, так и с забайкальскими и североазиатскими конструкциями «центральноазиатского типа».

Заключение

Приведенные данные свидетельствуют о связи луков из «старобурятских» погребений XVII–XVIII вв. и отдельных их элементов с поздними целиком сохранившимися бурятскими луками местного производства XIX — начала XX в. При некотором видоизменении применявшихся накладок, основные представления о длине и особенностях оформления функциональных зон, главным образом концевых зон жесткости, сохранились. Между тем ясно, что данная конструкция формировалась на местной основе в монгольское время и применялась на всей территории Байкальского региона. На единственном луке типа 2 прослеживаются элементы, фиксирующиеся на изделиях «центральноазиатского типа» якутов, что свидетельствует о связи конструкций с предметами северного Забайкалья и Якутии. Вместе с тем большинство бурятских изделий XIX — начала XX в. имеют схожие метрические параметры и пропорции переходных зон. Это обусловило распространение в Забайкалье, особенно в среде селенгинских бурят, луков, сочетающих в себе элементы как типа 1, так и типа 2, что выразилось в применении длинных концевых фронтальных накладок с длинной широкой и короткой узкой областями (концы были значительно короче переходных зон). В основу дальнейшего развития и видоизменения конструкции легли несколько иные закономерности.

Финансирование. Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технология, адаптация и культурные связи».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2008. 776 с.
- Бравина Р.И., Дьяконов В.М.* Якутский сложносоставной лук из фондов Тойбохойского музея // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 3. С. 99–106. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.3.099-106>
- Бураев А.И.* Эволюция сложносоставного лука у поздних кочевников Западного Забайкалья (IX–XIV вв.) // Материалы XXIV Всесоюз. науч. студ. конф. История. Новосибирск: НГУ, 1986. С. 116.
- Васильев А.П.* Забайкальские казаки: Исторический очерк. Приложение к II тому. Чита: Тип. Войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, 1916. 89 с.
- Жамбалова С.Г.* Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука, 1991. 175 с.
- Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В.* Старобурятские погребения из бухты Хагун // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. С. 233–255.
- Именохоев Н.В., Хамзина Е.А.* Погребение из Аргады (Курумканский район, Бурятия) // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 1998. С. 96–97.
- Михайлов В.А.* Оружие и доспехи бурят. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ Сибирь, 1993. 73 с.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
- Нечипоренко В.Н., Панькин С.В., Скобелев С.Г.* Поздние луки среднего Енисея // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 129–164.
- Николаев В.С.* Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: Усть-талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2004. 306 с.

Харитонов Р.М.

Никоноров В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2004. 320 с.

Селихов Е.А., Именохоев Н.В. Лук из музея БНЦ // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 1998. С. 104–106.

Соловьев А.И., Харитонов Р.М. Аргадинский лук: Вопросы реконструкции // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая — 2018: Материалы IX Междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. Т. 2. С. 111–116.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. Т. 1. 508 с.

Харинский А.В. О появлении курительных трубок и табака в Прибайкалье // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: ИГУ, 1995. С. 207–217.

Харитонов Р.М. Новые данные о бурятском луке (по материалам семейных архивов) // Материалы LIX Рос. археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 329–332.

Харитонов Р.М. Переоформление ручного метательного оружия на примере бурятского традиционного лука // Материалы LX Рос. археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых с междунар. участием. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 252–253.

Харитонов Р.М. Ретроспектива в оружейведении на примере бурятского традиционного лука // Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: К 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.): Материалы междунар. археол. конф. молодых исследователей. Новосибирск, 2022. С. 208–219.

Харитонов Р.М., Бутуханова И.М. Бурятский лук конца XIX в. из улуса Тамча // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 4 (4). С. 30–37.

Харитонов Р.М., Михиенко В.А. Бурятский лук из фондов Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН (Новосибирск) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. XXVIII. С. 955–961.

Худяков Ю.С. Основные понятия оружейведения // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 184–193.

Хурэлсух С. (бот. ред.). Монголын хадны оршуулгын дурсгал. Монголын археологийн өв. Улаанбаатар: Монгол улсын ШУА-ийн Түүх, Археологийн хүрээлэн, 2022. Боть XIII. 299 х.

Kharitonov R.M.

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
prosp. Acad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: tengeri_ashina@list.ru

On the genesis of the bow designs from the “Old Buryat” burials

In the paper, the finds of fragments of bows from the “Old Buryat” burials of the 17th–18th centuries from the Baikal region are analysed, and an attempt is made to determine their genesis from the data on their technological features. On the basis of the conventional method of weapon-analysis classification, two types were distinguished by the set of the reinforcing onlays. To understand the missing structural elements, the data is drawn in on more recent fully preserved items produced locally in the 19th — early 20th c. from the museum and private collections from the territory of the Baikal region, since a genetic affinity can be traced between them and the earlier products by the available onlays. This allows one to speak about similar morphological and metric characteristics between the Buryat bows of the 19th — early 20th c. and the objects from the “Old Buryat” burials. In the result of the conducted analysis, the relationship between the distinguished type 1 and items of the 12th–14th cc. of the population of the Ust-Talkinskaya Culture of the Cisbaikalia region has been established by the onlays used and the structure of the wooden base (in comparison with the products of the Buryats of the 17th–18th cc. associated with the bows of the 19th — early 20th c.), on the basis of which it was concluded that the design evolved in the Mongolian period from a local prototype. The type 2 is also associated with ‘Mongolian type’ bows by the presence of the median frontal remiform onlay, although it has the features of Yakut’s ‘Central Asian’ bows (the end frontal straps made of staghorn with a wide and a narrow areas). In the course of the study, it has been revealed that the design of the objects of the 19th — early 20th c., predominantly Transbaikalian bows of the Selenga Buryats, has features of both the type 1 as well as the type 2, and it evolved from a local basis as a result of the synthesis of the elements of these types, thus combining the features of the northern and local workmanships. In the result, the structures appeared, which were reinforced with long end straps made of staghorn, with a long wide area creating transitional zones, and a short narrow one reinforcing the rigid limb tips. In the Cisbaikalia region, modifications of the type 1 bow were further developed by means of combining materials in the onlays of the transitional zones. All of the recorded bows, in terms of the shape of the ends and transitional zones, are much closer to the Mongolian bows of the 12th–14th c. from the rock burials of Mongolia, than to the Manchurian-Mongolian bows widespread in Central Asia since the 17th c.

Keywords: traditional bow, Transbaikalia, Cisbaikalia, “Old Buryat” burials, Buryats, Ust-Talkin Culture, Yakuts.

REFERENCES

Bobrov, L.A., Khudyakov, Ju.S. (2008). *Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern Ages (15th — first half of the 18th century A.D.)*. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU. (Rus.).

О генезисе конструкций луков из «старобурятских» погребений

- Bravina, R.I., Dyakonov, V.M. (2020). A Yakut Composite Bow from the Toybokhoy Museum. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 48(3), 99–106. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2020.48.3.099-106>
- Buraev, A.I. (1986). Evolution of the composite bow among the late nomads of Western Transbaikalia (IX–XIV centuries). In: *Materialy XXIV Vsesoyuznoj nauchnoj studencheskoj konferencii. Istoriya*. Novosibirsk: Novosibirskij universitet, 12–16. (Rus.).
- Imenokhoev, N.V., Khamzina, E.A. (1998). Burial from Argada (Kurumkansky district, Buryatia). In: *Arheologiya i etnografiya Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo universiteta, 96–97. (Rus.).
- Khangelov, M.N. (2004). *Collected Works: In 3 vol. Vol. 1*. Ulan-Ude: Izd-vo OAO «Respublikanskaya tipografiya». (Rus.).
- Kharinskij, A.V. (1995). On the emergence of smoking pipes and tobacco in the Baikal region. In: *Baykal'skaya Sibir' v drevnosti*. Irkutsk: IGU, 207–217. (Rus.).
- Kharitonov, R.M. (2019). The New Data on the Buryat Bow (Based on Family Arcives). In: *Materialy LIX Rossijskoy arheologo-etnograficheskoy konferencii studentov i molodyh uchenyh*. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 329–332. (Rus.).
- Kharitonov, R.M. (2020). Repairing of Hand Throwing Weapons on the Example of the Buryat Traditional Bow. In: *Materialy LX Rossijskoy arheologo-etnograficheskoy konferencii studentov i molodyh uchenyh*. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU, 252–253. (Rus.).
- Kharitonov, R.M. (2022). Retrospection in Weapons Science on the Example of the Buryat Traditional Bow. In: *Arheologicheskie kul'tury Sibiri v kontekste kross-kul'turnyh kontaktov v Evrazii: K 300-letiyu pervyh nauchnyh arheologicheskikh raskopok v Sibiri (1722 g.): Materialy Mezhdunarodnoy arheologicheskoy konferencii molodyh issledovateley*. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 208–219. (Rus.).
- Kharitonov, R.M., Butukhanova, I.M. (2017). The Buryat bow of the end of the 19th century from Tamcha ulus. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 4(4), 30–37. (Rus.).
- Kharitonov, R.M., Mikhienko, V.A. (2022). Buryat Bow from the Funds of the Museum of History and Culture of Peoples of Siberia and Russian Far East of IAET SB RAS (Novosibirsk). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopedel'nykh territorij*, (28), 955–961. (Rus.).
- Khudyakov, Yu.S. (1979). Basic concepts of weapons science. In: *Novoe v arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, 184–193. (Rus.).
- Khurelsykh, S. (Ed.) (2022). *Rock Burials in Mongolia. Archeological Relics of Mongolia, Catalogue series. Vol. XIII*. Ulaanbaatar: Mongol ulsyn SHUA-ijn Tuukh, Arkheologijn khyreelen. (Mong.).
- Mikhajlov, V.A. (1993). *Buryat weapons and armor*. Ulan-Ude: Izd-vo ONC Sibir'. (Rus.).
- Molodin, V.I., Sobolev, V.I., Solovyev, A.I. (1990). *Baraba in the Late Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Nechiporenko, V.N., Pan'kin, S.V., Skobelev, S.G. (2004). Late bows of the middle Yenisei. In: *Voennoe delo narodov Sibiri i Central'noj Azii*. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyy universitet, 129–164. (Rus.).
- Nikolaev, V.S. (2004). *Nomad's Burial complexes of the Middle Siberia South in the XII–XIV centuries: Ust-Talkinskaya culture*. Vladivostok; Irkutsk: Izd-vo Instituta geografii SO RAN. (Rus.).
- Nikonov, V.P., Khudyakov, Yu.S. (2004). *The "Whistling Arrows" of Mo-tun and "Sword of Mars" of Attila: Art of warfare of the Asiatic Hsiung-nu and the European Huns*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (Rus.).
- Selikhov, E.A., Imenokhoev, N.V. (1998). Bow from the BSC SD BRAS Museum. In: *Arheologiya i etnografiya Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo universiteta, 104–106. (Rus.).
- Solovyev, A.I., Kharitonov, R.M. (2018). The Bow of Argada: The Problems of Reconstruction. In: *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya — 2018: Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoj konferentsii. T. 2*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNC SO RAN, 111–116. (Rus.).
- Vasilyev A.P. (1916). *Transbaikalian Cossacks: A historical essay. Appendix to Volume II*. Chita: Tipografiya Vojskovogo Khozyajstvennogo Pravleniya Zabajkal'skogo kazach'ego vojska. (Rus.).
- Zaitsev M.A., Svinin V.V., Kharinsky A.V. (1994). Old Buryat burials from Khagun Bay. In: *Etnokul'turnye processy v Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v I–II tysyacheletii n.e*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 233–255. (Rus.).
- Zhambalova, S.G. (1991). *Traditional Buryat Hunt*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Харитонов Р.М., <https://orcid.org/0000-0003-1699-046X>

Сведения об авторе: Харитонов Роман Михайлович, инженер-исследователь, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

About the author: Kharitonov Roman M., Research Engineer, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 28.09.2023

Article is published: 15.12.2023